



# АГЕНТУРНАЯ РАЗВЕДКА

Часть 2. НЕЛЕГАЛЬНЫЙ РЕЗИДЕНТ. ПОИСК

ВИКТОР ДЕРЖАВИН

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

18+

**Виктор Державин**  
**Агентурная разведка. Часть 2.**  
**Нелегальный резидент. Поиск**  
Серия «Агентурная разведка», книга 2

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=68317069](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68317069)  
SelfPub; 2024*

**Аннотация**

Вторая часть книги о службе в нелегальной разведке. Это часть местами более боевая, но вместе с тем и более занудная, то есть с подробностями. В ней расскажу, как я стал настоящим нелегальным разведчиком. Как перешёл из «спящих» в боевой состав самого дерзкого и активного подразделения стратегической внешней нелегальной военной разведки нашего Генштаба. О том, как рутина превращается в замысел, с тем чтобы создать предпосылки для перерастания замысла в план операции. Эта часть немного раскроет как известный во всей тактической (войсковой) военной разведке термин «поиск» работает в стратегической внешней нелегальной военной разведке. Книга основана на очень реальных событиях, все имена и важные детали изменены до неузнаваемости, по понятным причинам. Но многое почти документально, особенно события, размышления и боевые эпизоды. Содержит нецензурную брань.

# Содержание

Предисловие	4
Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	30

# **Виктор Державин**

## **Агентурная разведка.**

### **Часть 2. Нелегальный резидент. Поиск**

#### **Предисловие**

Продолжение книги о нелегальной внешней военной разведке.

Серия моих книг будет совсем непохожа на всё, что вы ранее читали на эту тему. Мне далеко до уважаемого Юлиана Семёнова, к сожалению. У меня совершенно другой стиль изложения и подход. Совсем не такой, как принято у знаменитых писателей, у меня стиль самый простецкий, не претендующий на «новое слово в русской словесности». И сюжет не премудрый, но основанный на реальных событиях. В жизни не всё так витиевато, как хочется автору для «закручивания» сюжета.

Прошу уважаемых читателей обратить внимание на то, что это художественная книга, поэтому я вправе использовать чёткую, действующую В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ терминологию военной разведки **ВОЛЬНО**, не в соответствии с ин-

струкцией по делопроизводству Минобороны России. Имею право пользоваться терминологией Генштаба Вооруженных сил СССР, например (только один пример), писать ГРУ ГШ, а не ГУ ГШ, как принято публично (ТОЛЬКО в открытых источниках) и установлено приказом по делопроизводству Минобороны России. Желаю называть вещи своими именами и буду ГРУ в Генштабе Вооружённых сил России называть ГРУ. Для того чтобы было понятно широкому кругу читателей, я всё-таки не учебник пишу и не обязан туманить мозг читателю.

Кроме того, меньше всего мне хотелось описать службу в нашей военной разведке как боевик или романтизировать её. Собственно говоря, моя главная цель – это писать правду, то есть соблюдать реализм во всём, а не приукрашивать, чтобы больше понравиться читателю. Описать настоящую офицерскую службу в ГРУ, где жизнь – это служба, а служба – пожизненный риск. Не ждите стрельбы и настоящего огневого ближнего боя. Но и так чтобы только одни мыслительные процессы, то есть совсем без участия «рук и ног» – надо быть профессионалом высшей категории. К таковым я тогда не относился, к сожалению.

VK\_DMCA

# Глава 1

Любой выпускник высшего командного военного училища, тем более высшего общевойскового командного училища прекрасно знал, как в нашей армии ведётся войсковая разведка. Читателям напомним: способ разведки – это приём (метод) действий сил и средств разведки в добывании разведывательных сведений.

Основными способами ведения войсковой разведки являются:

- наблюдение;
- подслушивание;
- поиск;
- разведывательная засада;
- дозор.

Ещё Громов мне в своё время сказал, точнее, подтвердил услышанный мною теоретический постулат преподавателя в Подмоскowie о том, что и в стратегической разведке основные способы остаются прежними, точнее, первые три из них.

В нашем Ленинградском высшем общевойсковом командном училище (все его называли сокращённо ЛЕНПЕХ) эти теоретические постулаты курсантам вдалбливали в голову намертво. Поэтому я хорошо помнил, что:

- наблюдение является основным способом разведки, организуется и

ведётся во всех видах боевой деятельности войск, непрерывно днём и ночью, в

любое время года и в любой обстановке с использованием современных технических средств разведки... и т.д. и т.п.;

– подслушивание как способ разведки применяется при непосредственном

соприкосновении с противником, а также при действиях разведывательных

подразделений в тылу противника. Оно ведётся в любое время суток, особенно

ночью в условиях ограниченной видимости. Разведка подслушиванием может

вестись на слух или с применением технических средств. Подслушивание

дополняет наблюдение и применяется в сочетании с ним... и т.д. и т.п.;

– поиск – это способ разведки, заключающийся в скрытном подходе

подчинённого подразделения (группы, разведчика) к заранее назначенному объекту, внезапном нападении на него (в случае необходимости) в целях захвата пленных, документов, образцов вооружения и снаряжения и быстром отходе в расположение своих войск или безопасное место.

В общем, получил подтверждение, что в основном всё то же самое, только с некоторыми дополнениями, и что в моей нынешней службе надо пользоваться поиском только после

исчерпания первых двух способов.

После выполнения задачи в Калифорнии мои руководители долго меня не беспокоили. Получил указания накапливать информацию и на связь выходить только в экстренных случаях.

Посчитал, что наступил идеальный момент разобраться со своей личной жизнью.

Долго думал, как мне разрулить этот вопрос. Разыгрывал в уме различные сценарии.

Ни к чему определённомu не смог прийти. Сомневался. Но и жить с такой я уже не мог. В итоге созрело решение прямого разговора.

Выбрал момент, когда Вильте опять пришла поздно, слегка выпившая и с наигранно весёлая. Знает, что я просто таю, когда она весёлая и добрая.

Она пошла в душ, а я открыл бутылку «Столичной» рижского розлива, сделал бутерброды из привезённой родителями селедки и красной икры.

– А что, у нас за праздник сегодня? – воскликнула Вильте, выйдя из душа.

Увидев её искреннюю радость и упоительную улыбку на лице, дрогнул и не смог резко, как заранее задумывал, начать с ней разговор, быстро подойти к финалу о разводе, выпить и мирно разъехаться уже завтра утром.

– Давай выпьем и просто поговорим. Мне не хватает общения с родной душой.



– Отлично, давай, здорово!

Мы выпили несколько рюмок, закусывали. Обсудили наши семейные дела.

– Вильте, скажи, я устраиваю тебя в плане секса?

– Вполне. А что?

– Говорят, в семейной жизни у супругов со временем притупляются эти ощущения.

– У тебя притупились?

– Да, есть немного. А у тебя? – спросил я её, пристально глядя ей прямо в глаза.

– Если честно, тоже есть такое, – вдруг очень серьёзно ответила Вильте.

Помолчали.

– У тебя есть кто-то? – спросила наконец она.

– Нет. Честно. Никого нет, – умышленно не стал задавать ей такой же вопрос, надеялся на её откровение.

Опять молчим.

– Ты знаешь, можно сходить к специалистам по этим вопросам. Можно проконсультироваться, – сказала Вильте, прервав молчание.

Я пристально смотрел ей прямо в глаза.

В этот момент опять вернулся к своей давней мысли. Впервые эта идея меня посетила после того, как убил Володю. Второй раз задумался, и уже совсем серьёзно, после убийства агента ФБР. Мне хотелось закончить всю эту шпионскую деятельность. Не моё это дело, совсем мне не по ду-

ше. После этого развестись с Вильте, потом вернуться в Литву или в Санкт-Петербург и начать жить обычной жизнью обычного человека.

Потом подумал о том, что в Литве я не найду работу. А как без работы можно нормально жить?

В России, скорее всего, меня ждёт то же самое. И что «на выходе»? Что делать-то?

Если жить в США, то надо всё-таки помогать своей Родине. Надо. Даже если мне этот шпионаж совсем поперёк горла. Другое дело, если бы мне ставили какие-то реальные разведывательные задачи. А так: нырнул, вынырнул, спи. Если не проявить инициативу, то так и будут меня использовать.

Потом подумал о своих детях. Вот как им жить без меня? Кто и как их будет воспитывать? Приведёт потом к ним какого-нибудь пидараса, а из меня сделает воскресного папу, и это в лучшем случае. А этот пидарас ещё там свою линию начнёт проводить, пидарастическую. Бр-р-р.

Посмотрел на жену. Сидит смиренная и такая добропорядочная католичка. Если бы я не видел всё это кино, то ни за что не поверил бы в эту грязь.

– Может, сначала ты сходишь? – максимально участливо и по-доброму спросил её я.

– Лучше вместе.

– Ты мне лучше скажи, чего именно тебе не хватает в сексе?

– Давай закроем эту тему и займёмся, наконец, практи-

кой! – воскликнула Вильте, набросившись на меня.

Я слегка увернулся.

– Поняла тебя.

Вильте отошла от меня, посмотрела очень озорным взглядом и весело сказала:

– Я поняла!

Минут через двадцать передо мной стояла ярко накрашенная женщина в обтягивающей кожаной юбке с разрезом, в чёрных чулках, красивом бюстгальтере и на высоченных шпильках.

Я не удержался.

В итоге разговор не состоялся.

Иногда я следил за Вильте. Ещё пару раз выявил, что она проводит время с Томасом.

Не мог переступить через мысли о детях. Мучительные мысли. Неоднократно останавливался перед желанием «рубануть шашкой». Потом эмоции начали уходить, уступать место прагматизму. Но если бы не дети, которых я люблю бесконечно, о судьбе которых думаю постоянно, всё было бы очень просто и честно.

Однажды Ричард пригласил меня сходить выпить в бар.

Он предложил посетить именно тот самый бар. Я попытался его отговорить и убедить пойти в другое место, но Ричард был непреклонен:

– В других местах могут быть чёрные. В том баре их не бывает.

Я всячески избегал разговоров на политические, религиозные, национальные темы с кем-либо. Считал это опасным. Поэтому промолчал, не стал возражать и пошёл туда, куда звал Ричард.

Со мной приветливо и совсем по-дружески поздоровался мой старый знакомый – бармен.

– Тебя здесь хорошо знают?

– Отлично знают. Я сюда часто захожу, поэтому хотел пойти куда-то в новое место.

– Нет! Здесь атмосферное место, отличное. Этот бар работал тогда, когда чёрным было ещё запрещено даже подходить к нему.

– Интересно. Я слышал о таком, но не представлял.

– Хорошие были времена. Это была настоящая Америка! – воскликнул Ричард.

– Понимаю. Люблю старое американское кино.

Самое главное, что я его действительно очень сильно любил и отлично знал, в случае необходимости мог поддержать разговор на эту тему с лёгкостью. И вообще я пользовался неукоснительно общей теоретической установкой ведущего преподавателя в Подмоскovie о том, что всегда надо стараться говорить правду или как можно ближе к правде и все легенды «накручивать» на неё.

– Я тоже! Это была пуританская Америка, но свободная. Мы заказали выпивку.

Ричард поведал мне об одном инциденте, как ему вчера

вечером пришлось подраться с чернокожими. Неграми он их не называл, и я искусственно избегал этого слова. То есть публично им не пользовался.

Выслушал. В принципе, обычное уличное хулиганство.

Потом рассказал о трагедии в его семье. О том, что от рук негров погиб его родной брат. Это произошло в Лос-Анджелесе в 1992 году.

Кровавые события в Лос-Анджелесе развернулись в апреле – мае 1992 года после того, как коллегия присяжных, полностью состоявшая из белокожих граждан, оправдала четверых полицейских, избивших чернокожего Р. Кинга. После того как решение суда штата было обнародовано, в Лос-Анджелесе начались волнения, вылившиеся в погромы и нападения на белокожих граждан, в ходе которых погибло 55 человек, 2 000 было ранено, 12 000 арестовано, было сожжено около 1 100 домов, нанесён огромный общий ущерб городу.

Помимо полиции штата, в подавлении выступления участвовали и вооружённые силы США (армия, морская пехота и национальная гвардия). После жестокого подавления выступлений граждан США состоялись демонстрации протеста в городах Атланта, Лас-Вегас, Сан-Франциско, Майами и Сиэтл.

Ричард очень подробно всё это мне рассказал.

Он был самым настоящим скрытым расистом – после этого откровения у меня уже не было никаких сомнений.

Потом он попытался выяснить, как я относился к жителям

Афганистана.

К этому разговору я мысленно подготовился, и мне хотелось, чтобы у Ричарда осталось ко мне доверие.

– Так как вы там относились к мирному населению?

– Если честно, мне на них вообще было плевать. Никак не относился.

– Объясни, я не понимаю. Вы же там с ними сталкивались.

– Всё просто. Мне что ослик, что баран, что мирный афганец. Он меня не трогает, а я его. Уничтожить их всех там поголовно – такого не было, и я этого не хотел. У советской власти были свои взгляды. Эти дураки пытались там школы строить. Мне было плевать. Только жалко было денег, которые коммунисты тратили не на свой народ, а на этих афганцев.

Ричард от души смеялся.

– А здесь как ты к этим чёрным относишься?

– Я стараюсь с ними не общаться и вообще избегаю их. Вижу многое, понимаю всё, что ты мне сказал. Они другие какие-то, но я их совсем не знаю. И знать их не желаю.

Ричард в ответ на эти мои слова прочитал мне целую лекцию о том, что негры – бездельники и тунеядцы, способные только сжирать социальные выплаты и пособия, при этом с презрением относятся к белым, обвиняют их в порабощении до сих пор, хотя это поколение уже понятия о рабстве не имеет.

Из всего разговора я сделал только один полезный вы-

вод: Ричард мне доверяет, иначе он не стал бы так откровенничать. Это слишком щекотливая и даже опасная тема для США. Тема, способная погубить человека, сделать его изгоем. Но для меня не было секретом, что подобных взглядов придерживается многие белые американцы, просто власть имущие с этим борются. Финансовые элиты действительно боятся этих противоречий и понимают, что это угроза стабильности и общественной безопасности.

Тем временем поступила задача начать системную слежку за Томасом. Причины мне не сообщались. Сам начал анализировать. Видимо, Томас начал сотрудничать, и нашим надо было убедиться, что он не двойной агент, что за ним не следят и тому подобное, поэтому надо попробовать обнаружить что-то подозрительное.

Вследствие этого я узнал, что его встречи с Вильте стали еженедельными. Меня это совсем допекло.

Однажды вечером, когда дети уже спали, она приехала домой после их встречи, и я, наконец, проявил решительность. Запустил для нашего семейного просмотра порнофильм с участием Вильте. Смонтировал ролик на три минуты с самыми яркими моментами.

– Выключи. Я тебя прошу, выключить немедленно!

Сделал это с облегчением.

– Откуда у тебя это?

– Я вас выследил. Это было несложно.

– Зачем? Зачем ты за мной шпионил?

– Я не мог поверить в твои измены. Мне нужны были доказательства. Не для того, чтобы тебе доказать. Доказательства нужны были мне.

– Витя, что ты наделал?!

– Я?

– Зачем?

– Я не хочу жить с тобой.

– Витя! Это ничего не значит.

– Ну ты даёшь!

– Тебе что, жалко, что ли, если я трахну в жопу пидараса?

– Что? Как мне это сносить? Как мне с этим жить? Скажи, я чмошник? Я чмошник, чтобы жить с бабой, которая ебёт всяких пидарасов?

Вильте только обречённо на меня посмотрела. Я понимал, что ей нечего мне сказать.

– Развод?

– Давай поговорим о детях.

– Есть варианты?

– Есть. Мы живём под одной крышей. Общаемся. Секс исключается полностью. Ради детей могу попробовать так жить. Только ради них. Посмотрим, что из этого выйдет, – уверенным и спокойным тоном сообщил я.

– Нет. Лучше уходи. Попробуем им объяснить. Это моя вина, я схожу проконсультироваться, расскажу тебе, и мы решим.

Вильте разрыдалась, а мне стало её жалко. Обнял её по-



доброму, пожалел. Я знал за собой эту слабость: не могу быть жестоким со слабыми и поверженными, тем более с матерью своих детей.

– Если сможешь, прости. Дай мне шанс. Я это решу как-то. Если не смогу преодолеть, тогда так тебе прямо и скажу. Пожалуйста! Клянусь, я постараюсь!

– Я подумаю. Мне надо подумать.

Тем временем вывез всё, что касалось моей шпионской деятельности, из дома в один из своих личных тайников. Хранить это всё дома строго запрещено по инструкции. Подготовился к разводу.

От Громова получил задачу письменно сообщить о своих контактах за истекший период. Написал и про Ричарда, и про его взгляды. В ответ получил задачу втереться в окружение Ричарда, знакомиться с людьми, изучать.

Это несложная задача. Ричард и сам тянулся ко мне, но я сдерживал сближение, старался сохранить дистанцию и проявлял осторожность. Инициативу не проявлял.

По Томасу ничего подозрительного не замечал, только понял, что встречи с моей женой прекратились.

Однажды утром к нам домой буквально ввалилось ФБР. Мы как раз завтракали всей семьёй. Вильте, схватив детей, забилась в угол на кухне. Меня сразу повалили на пол, потом деликатно подняли и попросили заняться детьми вместе с уже приехавшей няней.

Вильте увели в другую комнату.

Детей успокоили.

У нас шёл полноценный обыск.

Как хорошо, что у меня здесь ничего нет. Пронесло... Ничего не объясняют, но я понял, что это всё не по мою душу. Это по душу Вильте.

Испугался сначала за себя, потом пришло чувство беспокойства за жену. Этот человек мне небезразличен.

Всё вверх дном. Вроде бы внешне всё деликатно и сдержанно, а по сути дела полный разгром.

Мне не задали ни одного вопроса. И это отлично!

Вильте забирают.

Мне запрещают ехать с женой и деликатно говорят, что скоро со мной свяжутся и сообщат кое-какую информацию о ней. Уже как-то по-человечески говорят, просят успокоиться и не переживать. Старший даже пообещал, что с женой всё будет нормально. Просил до вечера проявить терпение.

Позвонил Ричарду и отпросился.

Успокоил детей, начал собирать вещи и наводить порядок.

Что может быть? Что это такое?

Ближе к обеду позвонили из ФБР, сообщили, что Вильте вечером отпустят. Её надо допросить ещё раз. Потом дали ей трубку, и она меня успокоила. Сказала, что даёт свидетельские показания, но к ней претензий пока что нет.

Ничего себе обращение со свидетелями у ФБР! Да тут не слабее, чем в СССР было! Прямо сталинский беспредел ка-

кой-то.

Вечером наступила ясность. Оказалось, что Томас арестован по решению судьи. Его подозревают в шпионаже, но Вильте не знает, в пользу какой страны.

Всю полученную информацию сообщил нашим.

Несколько месяцев от моего руководства не было вообще никаких сообщений. Вместе с тем я ничего подозрительного не замечал. Вильте иногда ездила и давала какие-то показания. К ней тоже не было претензий. Но она мне не особенно что-то рассказывала, говорила, что её запугали и запретили даже мне что-то говорить.

От наших поступило сообщение, что у меня новый руководитель и назначена встреча с ним. Встретились.

Он представился мне как полковник Коваленко Сергей Валентинович, тоже из 3-го управления ГРУ. Сообщил, что я награждён медалью «За Отвагу», поздравил. Для меня это было важно.

Объяснил, что Громов откомандирован в Россию. Также объяснил, что операция с Томасом полностью провалена, причём почти сразу.

ФБР зафиксировало его контакты с нами, так как Томас был уже под наблюдением. Они к тому времени его подозревали в том, что он нарушает все возможные требования по работе с секретными документами. Начали за ним присматривать слегка, а Громов умудрился его засветить. Полный провал.

Когда я спросил о судьбе Громова, Коваленко объяснил, что тот под дипломатическим прикрытием, поэтому просто вернулся в Москву и продолжит службу в ГРУ или в другом управлении, но будет заниматься своим делом. Американцы не предали гласности эту историю в знак «доброй воли к нашему ГРУ». И такие были времена...

Сообщил ему, что с Ричардом я продвинулся. Рассказал, что познакомился со многими людьми. Наибольший интерес у него вызвали люди из городского совета Бостона.

– Контакт с Ричардом очень перспективный. Пока твоя задача – расширять круг знакомств, пытаться общаться с самыми перспективными людьми даже без Ричарда, напрямую устанавливать связи. Обо всём докладывать.

– В чём перспективность? Я хочу понимать хоть что-то.

Коваленко на меня пристально посмотрел и сказал:

– Американцы нам очень сильно гадят по всему периметру. Особенно на Северном Кавказе. Разумеется, наша Родина с этим справится рано или поздно, даже не сомневайся. Но цена будет высокой. Амеры не успокоятся и будут поднимать национальный вопрос всегда и везде, что внутри России, что по её границам. Чем можно им ответить?

– Не знаю.

– Пока что нечем. Есть над чем нам с тобой работать. Восстание в Лос-Анджелесе в 1992 году резко уронило престиж США, которые находились в эйфории от победы над нами в холодной войне. А тут вдруг выяснилось, что внутри страны

масса нерешённых проблем, вечный кризис, а расовая проблема как была, так и осталась. Сверхдержава на глиняных ногах получается. Понимаешь?

– Расовая проблема – слабое место.

– Да, именно так.

– Но как моя работа может повлиять на недовольство чёрных?

– Недовольство чёрных они сами спровоцируют рано или поздно. Твоя задача – внедриться в среду недовольных белых. Со временем, может, получится подпитывать это недовольство или, по крайней мере, знать о нём всё. Понимаешь?

– Понимаю.

– Тебе же это знакомо.

– В каком смысле?

– В прямом.

– У меня не было конфликтов с неграми. Я вообще с ними не общаюсь.

– В Союзе с нашими чурками ты хорошо познакомился.

Мне этот момент совсем не понравился. В конце концов, мне это надоело. Зачем мне об этом постоянно напоминать?!

– Это другое. Там мусульманская основа и национальная.

– Другое? Не скажи. Основа всё та же. В основе – разная ментальность. Фундаментально всё то же самое, механизмы такие же.

– Мне проявлять свои взгляды к ним или с кем-то?

– Если только слегка и очень осторожно. Про американцев

помалкивай, говори только о бывшем СССР. Проявляй отношение к бывшим согражданам вместе с антисоветизмом, антикоммунизмом, пакетно. Подводи их к тому, что если они возражают тебе, то получается, что заступаются за коммунизм. Это для всех нормальных людей здесь неприемлемо. Про Сталина говори, что он чурбан, жестокое азиатское чудовище. Про жёлтых и латиносов вообще помалкивай, даже не соглашайся слегка для достоверности. Понятно?

– Да, понял.

– Ты разобрался в политических взглядах Ричарда?

– Это понятно и прозрачно. Консерватизм, традиционализм. Тунеядцев и дармоедов не любит, а они, как правило, негры. Ну и поведение их общественное не переваривает. Это мне действительно хорошо знакомо.

– Он член какой-то партии?

– Я не спрашивал, но могу выяснить. Это очень просто.

– Слушай задачу. Судя по всему, Ричард – очень активный и умный человек, поэтому начинай с ним работать. Предложи ему присоединиться к Республиканской партии, начать работать на партию и помогать ей. Партии у них не такие, как у нас были. Нет членских взносов и много чего ещё. Здесь это, скорее, активизм. Иными словами, нацеливай его на политическую деятельность. Помогай ему во всём. Вообще делай так, чтобы он без тебя не мог и шагу ступить. Одновременно собирай компромат. Всё, что только можно. Сам никуда не суйся, будь в его тени. Работай над его карьерой, но

так, чтобы он и тебя везде за собой тащил. В общем, это называется разрабатывать перспективный контакт. А Ричард, по моему мнению, является именно таковым. Помни, Родина очень нужна наша помощь.

– Как считаете, по моей жене могут быть вопросы у ФБР?

– Нет. Томас – очень умный и профессиональный специалист своего дела, вместе с тем по многим вопросам рассеянный, безалаберный и даже бесшабашный. Когда мы его расспрашивали о его коллегах, просили дать им характеристики, то он характеризовал твою жену как очень умную, дисциплинированную, аккуратную, очень трепетно и буквально исполняющую все инструкции, особенно связанные с секретными документами, инсайдом и коммерческой тайной. Уверен, что он то же самое будет говорить в ФБР.

– А что вышло с его пидарастическими увлечениями? Что с фильмом?

– Томас этот фильм не видел, ему не показывали. Громов его и без этого одной левой завалил. Отпечатков пальцев хватило с лихвой. Мгновенно сообразил и полностью осыпался. Правда, Громов и сам с ним сгорел.

– Я хотел вас просить постараться не задействовать меня больше в делах, в которых я уже принял участие. Два человека – это уже достаточно.

– Не знаю и не обещаю. Могут быть разные ситуации, в том числе экстренные. Но если у тебя хорошо пойдут дела с Ричардом, то использовать тебя для таких дел – это как

микроскопом гвозди забивать.

– Но мне не хотелось бы это делать вообще, независимо от экстренности, – я решил проявить настойчивость и хоть немного взбрыкнуть.

– Не кипятись, успокойся. Мы и так тебя в крайних случаях используем, и это всё вовсе не характерно для нашей работы. Стараемся этим не злоупотреблять. Мы армейская разведка, у нас другие методы. Но бывает и такое. Ты думаешь, нас в Москве, хвалят за это? Это ЧП! И доведение до такой ситуации – само по себе тоже ЧП. Кроме того, эти могут и ответить. Они не мальчики. В общем, есть негласные правила, и обе стороны их стараются соблюдать. В принципе, в военных разведках не принято прибегать к этой полицейщине. Так и в Абвере было. Кстати, наше ГРУ многое у них взяло. Сам знаешь, как на войне стороны учатся у друг у друга.

– Понятно. Просто не хочется быть киллером. Это не моё.

– Я тебя понял, понял. Учтём. Но бывает, что надо. Надо! Хоть тресни, но надо. И ещё одно.

– Что?

– Один шкурнячок надо решить.

– Какой?

– Насчёт твоего денежного довольствия. Сейчас все деньги копят на твоём счёте. Есть вариант передачи наличными через тайник. Но он, сам понимаешь...

– Есть ещё варианты?



– Есть.

– Какие?

– Мы можем их выплачивать через твоих родителей, там уже сумма приличная накопилась у тебя.

– Отличный вариант. Я в деньгах вообще не нуждаюсь.

– Можем твоих родителей трудоустроить через какую-нибудь лавку, там консультативные или ещё какие-то услуги. Это нормально решается, отработано. Они сами ни о чём не догадаются, и их напрягать сильно не будут.

– Мне нравится.

– Понятно. Тогда тебе надо написать сейчас что-то типа доверенности на получение денег отцом и матерью. Я заверю, у меня здесь права командира воинской части. Дома эту бумагу заверит официальный командир части. А дальше там уже решат.

– Эти начфины будут знать обо мне...

– Никогда!

Я недоумённо посмотрел на него.

– Финансёр что знает о тебе? Он знает, что ты якобы оперативник милиции, заброшенный в банду. Всё легендировано очень глубоко, с лабиринтами. Ты сейчас проходишь по особо важным оперативникам центрального аппарата МВД. Твоя воинская часть глубоко легендирована под МВД. На территории части, где ты числишься, сейчас база СОБР, плюс в зданиях сидят многочисленные тыловые службы внутренних войск МВД, такие же по линии СОБР,

ОМОН. Там же батальон одного из полков внутренних войск МВД, отвечающих за охрану казённого завода по производству боеприпасов, там же их спецназ, отвечающий за АЭС. Там всё многоуровневое. Наши ходят в милицейской форме, и все знают, что они тыловики милицейские. Не беспокойся. Сейчас о тебе знают всего четыре человека. Трое из них на территории России, и только я здесь.

Когда я впервые приехал в Подмоскowie, в свою часть, всё было по-другому. Всё было легендировано под Управление начальника работ (УНР) дорожно-строительных отрядов (стройбатов), расположенных где-то на Урале, в частности, в Асбесте. Это УНР действительно было УНР, но в нём был спецотдел по строительству объектов сооружений – это и есть штаб нашей воинской части, то есть штаб номерного разведцентра ГРУ ГШ. Все ходили со стройбатовскими эмблемами в петлицах, в кабинетах – кульманы и всё, что положено для отделов проектирования. Всё это на этажах надземной части здания, вход в которое был через один из подъездов банно-прачечного комбината, расположенного в этом здании. Всё настоящее было в огромной подземной части этого банно-прачечного комбината. Командир нашего разведцентра, полковник, приходил на службу в форме майора, в петлицах – эмблемы стройбата, фуражка чуть не на уши належала, и погоны были замызганными слегка, в руках у него часто был тубус для чертежей... В это УНР постоянно приезжали офицеры в командировки из подчинённых ча-

стей, издалека, поэтому тогда там была и гостиница части, и общежитие. В моё время прибытие на территорию части офицера с пехотными эмблемами не могло вызвать никакого удивления, туда в то время приезжали с целью решить вопрос о переводе (взять отношение) и лётчики, и ракетчики, и кого только не было, многие хотели любыми путями попасть служить на территорию РСФСР, тем более в Подмосковье. Там и тогда было не разобраться, что к чему, тем более к этому банно-прачечному комбинату постоянно прибывали машины с бельём и чем-то ещё, постоянно какое-то движение людей. Полное впечатление о беспорядке и броуновском движении. Но я знал, что на 1 этаже сидит группа офицерского «спецназа» из «стройбата», всего пять-шесть человек, приезжают в гражданке, потом переодеваются и заступают на сутки. Рядом – пульт дежурного по части, этот офицер в стройбатовском облачении, умышленно несколько неряшливом. В самом помещении дежурного по части – целая стена из мониторов, уже тогда (!), в советские времена, всё было под полнейшим видеоконтролем, вся территория и подходы к ней. На 2 этаже уже всё было по-другому. Там никого не было из «стройбата». Там полнейший порядок. Там и огромный зал оперативного дежурного, но что в нём, я так и не увидел. Тогда на меня всё это произвело огромное впечатление. Очень как-то сошлось с моими представлениями, связанными с фильмом «Семнадцать мгновений весны», я его очень любил и считал лучшим фильмом про разведку.

Под диктовку написал доверенность и рапорт: командиру войсковой части..., расписался и отдал. Родиной повеяло. Не могу передать, как это приятно!

Через несколько дней, позвонив родителям, я узнал, что они решили уволиться с завода и нанялись на работу в какую-то монгольско-казахскую фирму за очень хорошие деньги, с дистанционной работой, которой просто мизер.

Идея разработки Ричарда мне понравилась.

Во-первых, интересно. Ричард – разносторонний, умный человек, интереснейший собеседник и вполне нормальный, надёжный мой товарищ.

Во-вторых, я понимал, что в США расизм – это большое место. То есть понимал, что для моей Родины это очень перспективно.

В-третьих, я для себя увидел совершенно другой интеллектуальный уровень. Это не с пистолетом бегать.

Тем временем Вильте заняла место Томаса на своей работе, пока что временно. Это означало, что к ней не было претензий. Тогда почему у нас был обыск?

Не находя ответа на этот вопрос, я его напрямую задал Вильте. Оказалось, всё просто: такие обыски прошли у всех, кто занимался этой темой. Ну до чего же с ней тяжело по этой части! Пока напрямую, прямолинейно и жёстко не спросил, сама ни слова не сказала.

Тем временем продолжал следить за собственной женой. Более двух месяцев шпионил и не заметил ничего подозри-

тельного.

– Вильте, я дал тебе шанс?

– Да. Спасибо. Как же мне стыдно перед тобой!

– Есть результат?

– Есть. Но пока что до конца не уверена. Я обещала тебе честно сказать, если не получится. Это сложно тебе объяснить. Сплошная психология. Я работаю над собой, продолжаю работать с твоей помощью. И ещё: мне сказали предложить тебе неоднократно изменить мне. После того как я буду уверена, что переломила себя, я тебе сообщу. Ты мне сообщишь, что тоже изменял мне. Типа подводим общую жирную черту и договариваемся больше друг друга не обманывать. Так советует специалист. Я очень мучилась и не представляла, как тебе это сказать. Вот сказала. Чёрт возьми! Что я натворила! Кроме того, психолог сказала, что если ты не поймёшь, то тебе надо сходить к ней, она всё объяснит.

Я промолчал. Логика мне понятна. Надо думать. Но факт есть факт, я тоже ей изменил. Но она ведь первая! А это важно? Не знаю. К специалисту не пойду. Мне это противно обсуждать с какой-то там бабой. Кроме того, если она такой крутой психолог (судя по цене), то она меня может раскусить, что-то заподозрить.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.